

© 2019 г.

СОЦИАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ В УСЛОЖНЯЮЩЕМСЯ ОБЩЕСТВЕ: ОБЪЕКТИВНЫЕ И СУБЪЕКТИВНЫЕ АСПЕКТЫ / Отв. ред. В.В. Семенова, М.Ф. Черныш, П.Е. Сушко. М.: ФНИСЦ РАН, 2019.

Несмотря на обилие работ по социально-стратификационной тематике, комплексные исследования социальной мобильности по-прежнему редкость в отечественной социологической литературе. Хотя бы поэтому публикация более чем пятисотстраничной рецензируемой монографии ценное – приобретение для российской социологии, в особенности для тех, кто так или иначе заинтересован в обозначенной проблематике или вовлечен в нее.

Ядро книги составляют материалы проекта «Межпоколенная социальная мобильность от XX века к XXI: четыре поколения российской истории», выполненного при поддержке РНФ. Результаты этого масштабного исследования суммированы в предыдущей монографии¹. Преимуществом новой книги являются дополнения, существенно расширяющие и углубляющие погружение в заявленную проблематику, в частности, главы, сфокусированные на ранее не представленных социальных группах – прекариате, IT-специалистах, управленческой и бизнес-элитах, которые представляют особый интерес в контексте современных тенденций, характеризующих трансформацию социальной структуры российского общества. Не меньший интерес представляют главы, подготовленные зарубежными коллегами.

Хотя название книги емко и точно отражает ее содержание, оно не передает амбициозности, многоаспектности и в каком-то смысле инновационности, с которыми авторы приступают к изучению, казалось бы, привычного и понятного социологам феномена. Вместе с тем невозможно недооценить вызов, с которым сталкиваются исследователи: изучение социальной мобильности в «усложняющемся» обществе – поистине непростая задача. Мало того, что сегодня среди социологов по-прежнему отсутствует консенсус по поводу ключевых понятий социологии неравенства (что, например, считать социальным классом? как определять социальное положение? каковы критерии социального успеха? и т.п.) – вполне естественно допустить, что в трансформирующихся обществах эти понятия непостоянны, меняют свою значимость или вовсе наполняются новыми смыслами. В связи с этим к несомненному достоинству монографии следует отнести глубину и тщательность, с которыми данная проблемаотрефлексирована на уровне теоретических рассуждений и в части эмпирических изысканий. Во-первых, авторы рассматривают мобильность одновременно в нескольких ее объективных аспектах, таких как образовательная, карьерная, профессиональная, географическая и жилищная, а, во-вторых, они дополняют свой анализ рассмотрением субъективной мобильности, учитывающей относительность и непостоянство социальных координат, в которых сами люди оценивают собственное социальное положение. В свою очередь, данная многоаспектность крайне удачно сочетается с методическим оснащением исследования – статистический анализ процессов социальной мобильности на основе материалов формализованных репрезентативных опросов органично дополняется анализом глубинных интервью, что позволяет достичь непривычной для большинства исследований конкретности и глубины в рассмотрении данного феномена.

¹ См.: Социальная мобильность в России: поколенческий аспект / Отв. ред. В.В. Семенова, М.Ф. Черныш, А.В. Ваньке. М.: Институт социологии РАН, 2017.

Учитывая сказанное, неудивительно, что книга обладает крайне насыщенным содержанием: пять тематических разделов охватывают 16 глав. В первом разделе дается теоретический разбор понятия социальной мобильности, обсуждаются классические и инновационные подходы к его концептуализации, а также представлены результаты качественного и количественного исследования социальной мобильности в российском обществе, выполненные в духе «социокультурной парадигмы», как обозначили авторы. Следующие три раздела содержат фокусное обсуждение социальных групп трех этажей крайне условной социальной иерархии: высший, представленный бизнес-управленческими элитами; средний с широким спектром работников нефизического труда, как правило, требующего высшего образования (в частности, работники IT-индустрии); и, наконец, низший, определяемый авторами как «прекариат» или «андеркласс». На богатом эмпирическом материале авторы рассматривают пути входа/выхода из указанных групп, а также типичные жизненные траектории их представителей, раскрывающие характер их социального воспроизводства и стратегии мобильности. Последний раздел посвящен анализу территориальной и жилищной мобильности в контексте социально-статусных различий и изменений.

При насыщенном содержании критическое ознакомление с текстом провоцирует ряд вопросов и замечаний. В данной рецензии мне бы хотелось остановиться на ряде моментов, показавшихся мне наиболее важными. Мой первый дискуссионный комментарий обращен к одной из ключевых глав монографии – первой, в которой задается общая теоретико-методологическая рамка исследования, резюмируемая призывом «перейти к исследованиям многомерных, комплексных перемещений, позволяющих создавать новые модели объяснения наблюдаемых социальных изменений» (с. 25). Рассматривая все многообразие идей о социальной мобильности, начиная с классических представлений П. Сорокина и заканчивая постмодернистскими интерпретациями в духе М. Арчер или Дж. Урри, авторы в общем-то верно отмечают, что «современная социология [не] страдает от недостатка новых идей. Напротив, [их] становится все больше, [...] в сфере теоретизирования наблюдается явное перепроизводство, дробящее поле общественной науки на мелкие фрагменты» (с. 52). Однако, при всей значимости, данный вывод, как мне показалось,отрефлексирован недостаточно полно: нет четкого понимания, считают ли сами авторы такое положение вещей сильной или скорее слабой стороной современной социологии. Лично я исключительно за то, чтобы новых идей «в сфере теоретизирования» становилось больше. Но не уверен, что к «теоретизированию» можно отнести бесконечные попытки (пере)определения базовых для тех или иных отраслей социального знания понятий – на мой взгляд, это контрпродуктивно, и отсутствие у социологии общего языка лишь продолжает дискредитировать нашу дисциплину как науку. Кстати сказать, в других отраслях знания, даже смежных, таких как, например, экономика или демография, функция теорий состоит не в том, чтобы нагружать одни и те же понятия новыми смыслами или, выражаясь языком Урри, искать подходящие «метафоры», а в том, чтобы объяснять устойчивые и воспроизводимые социальные паттерны. Другими словами, продуктивное изучение социальной мобильности (или социального неравенства в целом), с моей точки зрения, не нуждается в каком-либо сложном концептуальном анализе – в конце концов исследователю достаточно самостоятельно, но при этом четко определить, что он планирует понимать под социальной мобильностью, точнее системой координат, в которой предполагается изучение социальных перемещений (другими словами, имеется ли в виду мобильность по доходу, образованию, географическая, профессиональная или классовая мобильность, и т.п.). Но в чем такое изучение однозначно нуждается, так это в объяснительных схемах, способных генерировать фальсифицируемые гипотезы и отвечать на вполне конкретные вопросы: от чего зависит историческая динамика конкретного типа мобильности? Каковы факторы индивидуальной мобильности и как меняется их роль в зависимости от контекста? На основе каких критериев сами люди оценивают изменения собственного социального положения и положения окружающих? В зависимости от чего меняются критерии этой оценки? И т.д.

Что касается второго дискуссионного момента, то, как автор одной из работ, посвященных количественному анализу межпоколенной социальной мобильности в

историческом разрезе², я не могу пройти мимо некоторых важных методологических аспектов, касающихся измерения интенсивности социальных перемещений. Безотносительно к тому, как определяются исходные и конечные точки социальных маршрутов, необходимо различать между собой «абсолютную», «структурную» и «относительную» мобильность. Справедливости ради, авторы монографии выделяют данные понятия в тех главах, где это уместно, однако их определение, интерпретация и использование не всегда последовательны, что не способствует аналитической ясности.

Выражаясь максимально просто, абсолютная мобильность, которую можно представить как отношение числа мобильных индивидуумов ко всей популяции (т.е. включающей как мобильных, так и немобильных), представляет собой сумму структурной и относительной мобильности. Сложность в плане понимания представляет собой концептуальное различие именно между структурной и относительной мобильностью. Под структурной мобильностью принято называть перемещения, связанные исключительно с неодинаковостью структуры отсчетных и конечных статусов. Таковой можно считать мобильность, связанную, например, с постепенным увеличением доли высокостатусных позиций в стратификационной иерархии или расширением доступа к высшему образованию – тогда, подразумевая, в частности, межпоколенную мобильность, в обоих случаях несовпадение структуры статусов в двух поколениях естественным образом приведет к тому, что какая-то часть индивидов обязательно сменит свой статус (то есть будет мобильной) по отношению к собственным родителям. Структурная мобильность отсутствует в случаях, когда структура конечных и отсчетных статусов полностью совпадает.

Под относительной же мобильностью понимается мобильность, в результате которой повышение социального статуса одними людьми обязательно сопровождается понижением социального статуса других, именно поэтому данный тип мобильности еще иногда называют «реципрокным» (*exchange mobility* в англоязычной литературе), поскольку он предполагает своеобразный обмен позициями. «Относительность» же состоит в том, что такая мобильность означает изменение не абсолютного положения в стратификационной иерархии, а лишь относительного. Именно поэтому в случае отсутствия каких-либо изменений в структуре позиций может иметь место исключительно относительная мобильность.

Почему важно проводить четкую границу между обозначенными выше двумя понятиями (тремя, если принять во внимание, что «абсолютная мобильность» = «структурная мобильность» + «относительная мобильность»)? Потому что каждый из обозначенных типов мобильности сообщает нам информацию об эффективности концептуально отличных друг от друга механизмов социальных перемещений. Если структурная мобильность отражает эффект исключительно структурных изменений (например, роста экономики, общего уровня благополучия, расширения доступа к высшему образованию и т.д., и т.п.), то относительная мобильность сообщает нам важную информацию о *характере распределения* возможностей, безотносительно к тому, в каком объеме они создаются (или уничтожаются) в результате структурных перемен. Выражаясь иначе, понятие структурной мобильности строго ортогонально понятию открытости социальных позиций, в то время как понятие относительной мобильности является его непосредственным индикатором. Именно поэтому суждения об открытости стратификационных иерархий, строящиеся на основе оценок абсолютной мобильности, могут быть источником серьезных заблуждений, особенно если принять во внимание тот факт, что на протяжении как минимум последних двух-трех веков именно структурные перемены являлись преобладающим фактором социальных перемещений в большинстве современных индустриально развитых стран.

Как уже было сказано, к чести авторов, хоть и не совсем последовательно, указанные понятия концептуально разводятся в уместных главах, однако в эмпирическом анализе эти

² Ястребов Г.А. Социальная мобильность в советской и постсоветской России: новые количественные оценки по материалам представительных опросов 1994, 2002, 2006 и 2013 гг. Часть I; Часть II // Мир России: Социология, Этнология. 2016. Т. 25. № 1. С. 7–34; № 2. С. 6–36.

сюжеты практически не отрефлексированы. Так, например, во второй главе, в которой приводятся оценки социально-профессиональной мобильности, на основе анализа линейных коэффициентов корреляции Пирсона поддерживается вывод «об усиливающейся тенденции социального воспроизводства» в более молодых постсоветских поколениях (с. 61). В контексте сопутствующих свидетельств о том, что люди все чаще используют для социального продвижения связи, это звучит как вывод о снижении открытости социальных позиций. Проблема заключается в том, что используемый линейный показатель корреляции зависит как от относительной, так и от структурной мобильности, и я вполне допускаю, что его снижение, свидетельствующее, по выражению авторов, «об усиливающейся тенденции социального воспроизводства», вызвано в первую очередь структурными причинами, а именно – значительно менее выраженными контрастами между структурой статусов в поколении родителей и аналогичной структурой в поколении детей. В советских поколениях, переживших более радикальные изменения социальной структуры, данные контрасты были существенно выше, что, в свою очередь, с чисто математической точки зрения само по себе оказывает понижающий эффект на линейный показатель корреляции. Более того, подчеркну: согласно моим собственным эмпирическим изысканиям, а также исследованиям некоторых зарубежных авторов³, каких-либо существенных расхождений в характере социального воспроизводства между советскими и постсоветскими поколениями не прослеживается.

Для получения оценок относительной мобильности, позволяющей дать более адекватное представление о характере воспроизводства, или, другими словами, неравенстве распределения возможностей, уместнее был бы коэффициент ранговой корреляции Спирмена, который отчасти «нейтрализует» эффект, связанный с различиями в распределении отсечных и конечных статусов. Другим, более продвинутым и эффективным методом декомпозиции абсолютной мобильности на «структурную» и «относительную», особенно в тех случаях, когда речь идет о фиксации статусов с помощью дискретных шкал, является лог-линейный анализ. Справедливости ради, попытка такого анализа содержится в девятой главе монографии, где обсуждается межпоколенная образовательная мобильность, однако даже здесь, полагая в силу сложности и неукорененности указанного метода в отечественной практике эмпирических социальных исследований, его аналитический потенциал, на мой взгляд, оказался развит недостаточно полно. В связи с этим выражаю по этому поводу некоторое сожаление, поскольку в своих вышеупомянутых публикациях на аналогичные сюжеты я в каком-то смысле ставил перед собой цель популяризировать данный метод среди отечественных коллег, занимающихся анализом социальной структуры и стратификационных процессов.

Г.А. ЯСТРЕБОВ

ЯСТРЕБОВ Гордей Александрович, к. социол. н., д. (PhD) полит. и соц. н. Европейского университета во Флоренции (Италия), науч. сотр. Бамбергского университета (Германия) (gordey.yastrebov@gmail.com).

DOI: 10.31857/S013216250007110-4

SOCIAL MOBILITY IN SOCIETY OF GROWING COMPLEXITY: OBJECTIVE AND SUBJECTIVE ASPECTS. Resp. eds: V.V. Semenova, M.F. Chernysh, P.E. Sushko. Moscow: FNISs RAN, 2019. Reviewed by G.A. Yastrebov

Gordei A. YASTREBOV, Cand. Sci. (Sociol), PhD, European University Institute (EVI) (Italy); Researcher, University of Bamberg (Germany) (gordey.yastrebov@gmail.com).

³ Jackson M.V., Evans G. Rebuilding Walls: Market Transition and Social Mobility in the Post-Socialist Societies of Europe. Sociological Science. 2017. No. 4: 54–79. DOI: 10.15195/v4.a3.